

«Счастье можно сравнить с зарницей...»

Разговор по душам с Нонной Мордюковой

— Нонна Викторовна, мы с вами давно знакомы, поэтому сегодня, в канун 8 Марта, надеюсь на откровенный, предельно искренний, если хотите, исповедальный тон разговора.

— Давайте попробуем. Но, как говорится, под вашу ответственность: я в порыве откровенности могу сболтнуть лишнее...

— Это меня не пугает... И так, начнем. Общеизвестно: вы сыграли ряд выдающихся ролей, которые стали классикой отечественного киноискусства. Ваше имя по праву вошло в десятку лучших актрис мирового кино XX века. И все же — доподлинно это знаю — случались на вашем пути не только розы, но и тернии, не только свершения, но и «невидимые миру слезы». Чего больше?

— Всего хватало... Когда сразу после войны я, молоденькая, наивная, в поношенной школьной форме, чуть ли не по шпалам пришла из донской станицы в Москву и увидела у секретарши приемной комиссии ВГИКа накрашенные тушью ресницы,

сердце мое чуть не выскочило из груди от счастья. На-чи-на-ет-ся! — подумала я. Начинается чудесная, волшебная, новая жизнь, сравнимая с бесконечным праздником.

Сегодня я могу только посмеяться над своими тогдашними представлениями об актерстве. Ибо началось совсем другое: хоть и по-своему сладостный, но тяжелый, подчас немилосердный труд, затяжные экспедиции, кочевой, полуцыганский быт... А самое страшное — долгое, выматывающее душу ожидание ролей, которые пройдут и проходят мимо...

Когда еще студенткой я сыграла Ульяну Громову и пережила вместе со своими друзьями, такими же молодыми, начинающими актерами и актрисами первый успех, мне все еще казалось, что отныне так ладненько, складненько жизнь и пойдет дальше. Но отшумела премьера,

[Окончание на 7-й стр.]

Труд - 1994 - 6 марта - с. 1, 7

«СЧАСТЬЕ МОЖНО СРАВНИТЬ С ЗАРНИЦЕЙ...»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

отзвенели в прессе все добрые слова в наш адрес, и — тишина. Ни один режиссер, ни одна студия не приглашали нас больше сниматься. Вызовут на пробы, посмотрят — и приговор тут же вынесут: ну зачем нам еще одна Люба Шевцова (Ульяна Громова, Олег Кошевой)?

Володя Иванов, который Кошевой играл, так больше в кино ни разу и не снялся. И у меня целых четыре года (это в лучшую, молодую пору!) не то что роли — маленькой ролишки не было. Переживала я со своим-то неумным характером, помню, ужасно. Плакала по ночам, на трибуну даже выскакивала, призвала, клеймила. И только позже, с годами, поняла, что винить-то мне и моим коллегам в подобных ситуациях некого. Нет того дядьки, в которого можно было бы ткнуть пальцем и сказать: вот он виноват, что я за свою длинную и трудную жизнь в кино всего-то 6—8 стоящих ролей сыграла.

Упрекать сценаристов, что они специально для меня роли не писали? Так они сами люди несамостоятельные, подневольные. Обвинять режиссеров, что меня, такую хорошую, в картины свои не брали? Но ведь насильно любить не будешь... Мы, актеры, что ни говори, всего лишь инструменты, а мастеровые — это режиссеры. Им тот инструмент подавай, который в данный момент нужен: молоток там, или пассатижи, или рубанок, или вот сейчас Мордюкова в самый раз будет... Помню, Григорий Рошаль, снимая «Хмурое утро», уж так нуждался во мне, так нуждался, что прислал телеграмму в чужую съемочную группу с таким текстом: «Срочно высылайте Мордюкову, Волга перекрета, кавалерийский полк ждет...». Не было там никакого полка, и Волга текла себе как текла, но нашли меня, достали, выцарапали... Значит, была нужна.

А вот в «Тихом Доне» оказалась, представьте, не нужна. Хотя мне в ту пору представлялось, что и в искусство-то я пришла, чтобы сняться в «Тихом Доне». Да что там сняться... Я готова была лечь посреди степи и стать рекой, деревом, холмом, лишь бы только послужить фильму о земле, которую исходила в детстве и юности босыми ногами...

— Но почему в таком случае не предложили себя на роль? Уж настоять-то на кинопробе актриса имеет право...

— Что вы, я не представляю «белого танца» во взаимоотношениях актрисы и режиссера. Мне кажется, что раз я есть, то кто-то должен сам меня найти, оценить мое трудолюбие, мою преданность кино, способность «химичить» с ролью, привнести в нее наблюденное, пережитое в жизни.

С другой стороны, для режиссера поиски, выбор актрисы — это, как я понимаю, своего рода таинство, сравнимое с таинством зарождения любви. В этот момент дать понять режиссеру, что ты не прочь сыграть в его фильме, — все равно, что предложить ему себя как женщину. Я, видно, иначе воспитана. Более того, будучи одной из 60 претенденток на главную роль в фильме «Тризна», я за три версты обходила Григория Чухрая, чтобы он, упаси Боже, не подумал, будто я специально попадаюсь ему на глаза, чтобы еще раз напомнить о себе...

— В юности, насколько я знаю, педагоги прочли вам роли Анны Карениной, Наташи Ростовой, Антигоны... Однако жизнь распорядилась иначе. Не довелось вашим героиням плясать на балах, пить из тонких фужеров золотое вино. И не по дворцовым паркетам они скользили в невесомых туфельках, а большей частью месили сапогами деревенскую грязь...

— Конечно, хотелось попробовать в кино всякого и разного. И графиней побыть, и светской львицей прикинуться. Но, с другой стороны, я не верю в безграничную актерскую всеядность. Надо играть, но не заигрывать. А то оторвешься ненадолго от пуповины, которая связывает тебя со своей же натурой, жизненным и духовным опытом. Всякому из нас точка опоры нужна — это еще древние понимали. А у нас в станице так говорили: «Будешь падать — держись за землю». И я держалась. Меня всю жизнь волновали, притягивали люди непоказные, обездоленные, разбитые ранами, застарелыми болезнями, горьким вдовством. В этих так называемых «простых» людях — а играла я Степанид, Матрен, Глафир, Евдокий — бывали сокрыты такие запасы доброты, душевности, народной мудрости, что меня никогда не волновала проблема «творческого диапазона». Я старалась рыть не вширь, а вглубь. И думаю, что моя верность земле, миру тружеников, среди которых я родилась и выросла, для которых и про которых играла, в итоге отблагодарила худо ли, хорошо ли, но по-своему, на особицу сложившейся судьбой.

— Но ведь сегодня подобные персонажи не в чести. Сейчас пришло время бандерш, содержательниц притонов, они диктуют моду и в жизни, и на экране. Скажите, вы можете, готовы играть в подобном репертуаре?

— Наняться на роль, как нанимаются люди копать картошку или обветшалые заборы чинить, — этого я не умела и не умею. А переучиваться уже поздно. Мне роль, материал должны душу обжечь, только тогда я соглашусь отдать филь-

му свое здоровье, нервы, ночи бессонные. А идти на творческие муки ради содержательницы притона? Да ни за какие деньги.

— Недавно, я знаю, вы и от съемок в американском фильме отказались?

— Отказалась, но по другой причине. Предложили мне роль фермерши в новой экранизации «Гроздьев гнева». Вроде увлекательная задача, да я ведь языка не знаю. «А мы русскими буквами английский текст напишем, вы роль и заучите», — ответили мне на все сомнения. А съемки уже через четыре дня. «Что же я, как спутанная лошадь, буду о каждую фразу спотыкаться?» — задала себе вопрос. И отказалась. Потом подружки мне говорили: «Ну и дура ты, Нонка, валюты бы заработала, роллс-ройс бы себе купила». Но как можно было на провал, на позор согласиться ради денег? Сфальшивить в искусстве — все равно что с нелюбимым мужчиной сойтись. Нет муки горше.

— Я помню, вы как-то заявляли, что вообще больше в кино сниматься не будете. Мол, дело ли — выносить на экран свои морщины, возраст, опечатавшийся на лице...

— Да, были такие переживания. Я из чего исходила? Из своих ролей, из своего имиджа, который у меня в последнее время как-то незаметно для себя самой сложился. Я ведь играла женщин молодых, но все еще привлекательных, желанных. А тут как-то взглянула в зеркало — и загрустила. Уж больно мне на бабок с клюкой переходить не хотелось. Ибо искусство, по моему глубочайшему, хоть и ненаучному убеждению, — это торжество пола. Когда у героя борода висит седая и от нее пылью за версту разит — это уже не искусство. Когда актриса прячет от камеры натруженные руки — тем более не искусство. Так думала я, делая свое, как выяснилось, не до конца продуманное заявление. Ибо прошло какое-то время, миновала хандра, и я поняла, что, вопреки возрасту, Бог все оставил при мне. И приближение весны я всеми своими клетками чувую, и отрезываю какие-то стала опять из шкафа доставать, и — стыдно признаться — мужичок мне недавно один приглянулся... Я ему это даже не показала, задавила в себе блажь, но извечное, женское, стало быть, во мне не погасло. А раз я живу, страдаю, надеюсь, то было бы непростительным легкомыслием отказываться от желания поделиться своими чувствами с дорогими моими зрителями, которые, даст Бог, примут меня всякую.

— И где вы сейчас снимаетесь?

— Дала согласие поработать с Владимиром Меньшовым в его новой картине «Шырлы-мырлы», которую он снимает после многолетней творческой паузы. Соскучился он по режиссуре. И я, как выяснилось, соскучилась по команде «Мотор!», по запаху павильона. Тем более что сценарий очень смешной — я давно такого удовольствия от чтения не получала. И партнеры подобраны замечательные — Инна Чурикова, Люба Полищук, Вера Алентова, Олег Ефремов. И роль у меня хотя почти бессловесная, но по-своему заманивая, там много чего придумать можно. Мне ведь не просто работа нужна, мне важно, чтобы я в свою лунку попала. Кажется, это тот самый случай...

— Дай вам Бог таких случаев побольше... И все-таки: когда выпадает затяжная творческая пауза, чем ее заполняете?

— Чем заполняю? Смотрю телевизор, с подругами и родней общаюсь, случается, болею. Одним словом, живу.

— Что-то такой образ жизни не очень согласуется с имиджем кинозвезды. Зрители, небось, предполагают, что вы все больше по фестивалям ездите да деньги лопатой огребаете...

— Бог миловал меня от подобных пересудов. Зрители никогда не считали меня избалованной в кино, капризной кинозвездой, живущей шикарной жизнью. Не дежурили под моими окнами, платя на сувенирные лоскуты не рвали, не пытались душить в приступах восторга. Встретят в магазине: «Ой, вы не Нонна Мордюкова, случайно?» «Я самая», — говорю. «И вы ходите в овощной?» — «Вы же вместо меня ходить не будете», — отвечаю.

Я ведь все делаю в доме сама — и квартиру убираю, и окна мою, и готовлю, и стираю. И потрудились я на своем веку не меньше моих героинь. Одно время даже на маму за это обижалась. Помню, еще маленькой была, а уже в поле тяжело работала, за скотиной смотрела, ведра тяжеленные с водой носила. А тут братья и сестры пошли младшенькие... И потаскала я их на закорках, и понячила вдоволь, и соплей понавтырала...

А выросла, институт закончила — так ведь опять старшая! Родителей мы рано лишились, вот и тянула братьев, сестер «в люди». Кому — замуж пора, кому — кофту новую справить приспичило, кому лекарства достать надо, кого в больнице навестить... А тут еще съемки да вечно денег нехватка. Так что какая уж там шикарная жизнь... Вполне нормальная трудовая биография, подкрепленная средним достатком, — почти как у основной массы моих зрителей.

— Но почему. Нонна Викторовна? Ведь возможности зарабатывать, обжиться у вас были...

— Почему, почему... Да по дурости. По неталантливости своей в смысле накопления благ. В нашей стране, если человек хотел что-то иметь,

нужно было жить под карандашиком — того себе не позволить, этого... А мне напрочь Бог такого дара не дал. Деньги я считать не умела и не умею. То тому поможешь, то этому... Засовываешь руку в сумку — а там последняя мятая ассигнация.

И еще... Я ведь всю жизнь сама на себя зарабатывала — мужа богатого, начальственного у меня никогда не было. Более того, мне за всю мою жизнь ни один мужчина никогда зарплату на стол не положил...

— А ваш муж Вячеслав Тихонов? По моим обывательским понятиям, он не принадлежит к породе бедствующих актеров...

— Может, сейчас он и обжился, а мы с ним до больших денег, до внешней респектабельности дотянуть не успели. Сколько помню наше супружество — едва от зарплаты до зарплаты перебивались. Спали с ребенком в проходной комнате, через нас люди чужие десять лет ходили. Нет, тяжело, безнадежно мы жили. Когда разводились — и делить ничего не надо было.

— А почему вы развелись? Если, конечно, вам удобно на эту тему говорить.

— Вот всем интересно про нашу семейную жизнь с Тихоновым расспросить. А я уже и лицо его забывать стала... Пусть он живет себе спокойно и счастливо. А что касается нашего неудачного супружества, то я коротко скажу: не подходили мы с ним друг другу. На поверку слишком разными наши натуры оказались — как будто нас занесло на одну жилплощадь с двух далеко отстоящих планет.

— И тем не менее вы прожили, насколько мне известно, целых тринадцать лет...

— Стыдно было расколоться, вот и весь сказ. Тогда же времена другие были, иначе на эти вещи смотрели. Да еще мама... Приедет в Москву с Кубани, а я плачу в голос: ой, мамочка, не могу с ним жить, хочу развестись... А она расплещется в ответ и причитает: не бросай, доча, а то останешься на всю жизнь одна. Мама опытный, прозорливый человек была, она своим женским чутьем понимала, что честности, стабильности у мужа моего не отнять. Он не выпивал, по сторонам не смотрел... Но только мама умерла — мы через два дня после ее похорон и расстались. Подозреваю, он вздохнул с облегчением, когда снова женился — на этот раз на своей женщине. А я, как мама и предсказывала, встречаю старость одна.

— Честно говоря, это для меня загадка. Такая красивая, знаменитая женщина... Подозреваю, отбоя от женихов у вас не было...

— В общем-то, не было, да и замуж я выходила, но только без ЗАГСа. Другое дело, что неудачно. Мужья мне все какие-то несостоявшиеся, инфантильные попадались. Настоящий же мужчина так за всю жизнь и не подсыпался... А мне ведь многого не надо было, я не какая-нибудь там графиня Ростопчина. Всего-то и хотелось — чтоб внимательный был да чтоб часть семейной ноши на свои плечи взял. Не случилось. Ну и ладно, переживем и это.

— Завершая разговор, позволю себе самый главный вопрос, вокруг которого мы сегодня так или иначе крутимся...

— Давайте смелее...

— Перебирая старые фотографии, я был поражен чистотой и одухотворенностью вашего лица в юные годы, иконописностью облика. Но не случайно бытует у русского народа мудрое присловье: «Не родись красивой, а родись счастливой»...

— Как же, слышали...

— Можете ли вы сказать о себе, что как актриса, как женщина родились счастливой?

— Ну и задачку вы задали...

Если честно, то мне кажется: нормальный человек не может сказать про себя, что он абсолютно счастлив. Даже тот, чья жизнь похожа со стороны на ровную дорогу или на речку блискую чую. Счастье — оно как зарница: полыхнет, захватит полнеба и... погаснет. И жди опять годами, когда еще раз полыхнет...

Пришла любовь, выздоровел ребенок, удалась грудная роль — такие счастливые мгновения случались, конечно, и в моей жизни. Но боли и страданий было больше. Так уж, видно, на роду мне написано.

По гороскопу я Стрелец, а Стрельцы должны стрелять, действовать, идти напролом. Вот и я жила слишком пламенно, угловато, не думая о завтрашнем дне. Старалась много работать, душу свою сжигала в огне юпитеров. А жить тихенько, средненько в творческом плане — оно, может, и лучше. Я не буду называть актрис, у которых судьба в кино не очень сложилась, но зато теперь душу к ним прихожу греть я. Такая известная — к неизвестным, у которых, тем не менее, налажен быт, есть верные мужья, дачи, огороды, машины, дети правильно воспитаны... Наверное, во второй половине жизни человеку (а тем более женщине) хочется тихой, уютной, размеренной жизни. Чтобы камин горел и родной человек рядом сидел. Увы, я этого сегодня лишена...

Зато не лишена другого: горячей, искренней любви людей. Я чувствую это на творческих вечерах, вычитываю в письмах, слышу в очередях... И это отчасти гасит мою тоску по «несбывшемуся», которое, как писал Блок, всю жизнь тревожит нас. Даже тогда, когда приходит время думать не о преходящем, а о вечном...

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.

Мордюкова Нонна

В. З. 94.